

Н. Н. Родигина

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Акад. Ю. Осипова, 15, Тобольск, 626152, Россия*

natrodigina@list.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИБИРИ В ПЕСНЯХ КАТОРЖАН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена выявлению образов Сибири в песнях каторжан второй половины XIX – начала XX в. Аргументирована актуальность обращения к изучению песен сибирской каторги для реконструкции представлений о регионе в массовом сознании россиян. Предпринят анализ истории изучения песен «неволи» и показано, как их первые исследователи сами являлись творцами социокультурных мифов о Сибири в русской беллетристике и научном дискурсе. В качестве источников привлечены песни, записанные на сибирской уголовной каторге и опубликованные в изучаемый период. Доказано, что разножанровые каторжные песни конструировали яркий, эмоционально-насыщенный, легко узнаваемый образ жестокой Сибири-тюрьмы, страны изгнания, символической смерти. Однако, наряду с образами далекой, чужой, некрещеной стороны, в песнях бродяг, имевших широкое хождение в среде каторжан, были представлены репрезентации региона как привольной, богатой земли, столь популярные в среде крестьян-переселенцев.

Ключевые слова: песни второй половины XIX – начала XX в., сибирская каторга, репрезентации Сибири.

Со второй половины XIX столетия песни ссылки и каторги вызывали к себе постоянный интерес не только исследователей Сибири, пенитенциарной системы Российской империи, русского фольклора, но и широких слоев русской публики, любопытствующей о судьбах и чувствах «униженных, оскорбленных, отверженных». Проявлением этого интереса, наряду с исследовательскими и публицистическими статьями, освещающими феномен тюремных, острожных, каторжных и бродяжских песен, были, к примеру, многочисленные концерты начала XX в., на которых Ф. И. Шаляпиным, Н. В. Плевицкой, Л. М. Сибиряковым, С. П. Садовниковым и др. исполнялись песни неволи. Современный исследователь М. Л. Лурье даже утверждает, что в начале XX в. тюремные песни стали своего рода мейнстримом общенациональной песенной культуры, и если

и уступали всегда лидировавшим песням любовного содержания, то очень незначительно [2010. С. 18]. По всей видимости, именно это объясняет поездку пианиста и композитора В. Н. Гартевельда по Сибири в 1908 г. для записи тюремных и бродяжских песен, впоследствии составивших основу его гастрольной концертной программы по 60 городам России. В поездке участвовали оперные певцы, и она имела большой резонанс в периодической печати [Джекобсон М., Джекобсон Л., 2006. С. 13]. Вполне объяснимо, что Сибирь как «штрафная колония» Российской империи стала Меккой для всех собирателей и исследователей песен «наказанной России», а результаты их изысканий в виде записей песен, выступлений на концертах стали одним из источников формирования и трансляции представлений о Сибири в массовом сознании россиян.

Родигина Н. Н. Репрезентации Сибири в песнях каторжан второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 76–90.

Гуманитарные исследования последних десятилетий с их напряженным вниманием к изучению «второй реальности» (мира идей, представлений, образов) породили волну публикаций, посвященных репрезентациям Сибири в художественной литературе, периодической печати, законодательных и делопроизводственных документах, в мемуарах русских интеллектуалов и крестьянских прошениях (см.: [Анисимов, 2010; Бассин, 2005; Лотман, 1997; Панарина, 2013; Ремнев, 2004; Родигина, 2006; Соловьева, 2006; Тюпа, 2002] и др.). В конце XX – начале XXI в. появились работы, посвященные индивидуальным и коллективным представлениям о сибирской ссылке и каторге (см.: [Громыко, 1975; Кодан, 1981; Кузнецова, 1991; Малютина, 1987; Марголис, 1995; Ремнев, 1997; Сафронов, 2001; Ульянникова, 2000; Шахеров, 2005; Хламова, 2010] и др.). Однако, насколько мне известно, образы Сибири в песнях ссыльных и каторжан еще не были предметом специального изучения. Между тем песни являются уникальным историческим источником. С одной стороны, они отражают представления о регионе, с другой, в силу их эмоциональности, широкого распространения, являются эффективным институтом их формирования.

Настоящая статья, как очевидно из названия, посвящена выявлению образов Сибири в песнях уголовных и административных ссыльных, каторжан конца XIX – начала XX в. За пределами моего внимания остались политические песни, которые, на мой взгляд, заслуживают специального изучения. Хотя я разделяю вывод М. Л. Лурье о взаимопроникновении политической песни и тюремной лирики в ссылке и на каторге в начале XX в. Этот процесс был связан с увеличением числа политических заключенных в пересыльных и каторжных тюрьмах, с усилением символического значения тюрьмы и каторги как обязательных элементов биографии профессиональных революционеров. Последнее не могло не влиять на песенные образы революционеров как людей, принимавших страдания от власти, и на присутствие в поэтике политических песен топосов, характерных для тюремного и каторжного фольклора (арест, тюрьма, каторга, рудники, кандалы, ссылка по этапу и т. п.). В свою очередь, тюремная лирика обогащалась за счет усвоения, чаще всего на поверхностном уровне, пропагандистского

дискурса с присущими ему патетическими формулами («за правду встали», «разрушить царский трон»), отсылками к революционным прецедентам, политическими пророчествами [Лурье, 2010. С. 3–8].

История изучения каторжных песен XIX–XX вв., особенно их современниками, по сути, есть история конструирования образов Сибири в индивидуальном и коллективном сознании и культурной памяти. Она позволяет понять, чем именно привлекали эти песни, как и почему их интерпретировали слушатели, о какой Сибири (стране тюрьмы / неволи или, наоборот, вольной / необъятной) им «рассказывали» жестокие романсы, баллады и другие песенные жанры, нашедшие свое прибежище в песенном репертуаре сибирских каторжан. В связи с этим первые работы по изучению песен сибирской каторги одновременно являются для нас источниками исследования влияния тюремных песен на создание мифа о Сибири «извне и изнутри». Как замечено К. В. Анисимовым и А. И. Разуваловой, архетипическое содержание территориального мифа может разделяться в равной степени как носителями формирующейся локальной ментальности, так и участниками историко-культурных процессов, не имеющими к ней прямого отношения [2014. С. 75].

Судя по свидетельствам дореволюционных исследователей каторжного песенного фольклора, большое впечатление на них, как и на многих образованных современников, произвели «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского, пробудив интерес к тюремной песенной лирике. Опираясь на непосредственный опыт восприятия таких песен, полученный в Омском остроге в середине 1850-х гг., Достоевский приводит фрагменты запомнившихся ему песен, пытается их типологизировать, описывает манеру их исполнения, впечатление, которое они производили на слушателей. К примеру, о песне «Не увидит мой взор той страны, в которой я рожден...» читаем: «Эта песня пелась у нас часто, но не хором, а в одиночку. Кто-нибудь, в гулевое время, выйдет, бывало, на крылечко казармы, сядет, задумается, подпрет щеку рукой и затынет ее высоким фальцетом. Слушаешь, и душу надрывает» [1982. С. 143]. Примечательно, что именно с описания впечатлений об арестантской песне «Милосердная» начинается цикл очерков С. В. Максимова «Сибирь и каторга», впер-

вые опубликованных под таким названием в 1871 г. Позволю себе еще одну цитату, свидетельствующую об эмоциональном воздействии песен на слушателей и объясняющую внимание к ним исследователей: «Немного в этой песне слов, не особенно богата она содержанием, но слова ее не мимо идут, а содержание и склад ее, и особенно напев, трогают не одни только мягкие, настроенные на благотворение сердца» [1871. С. 30].

Песни, «надрывающие душу» и «трогающие сердца», в литераторах-реалистах, внимательных к проявлениям народной жизни, пробуждали стремление не только записать песни неволи и сделать доступными для современников и потомков, но и показать, как они отражают образ мыслей, чувства сибирских заключенных, определить истоки их песенного творчества, выяснить роль песни в повседневной жизни каторги. Неслучайно одно из приложений к «Сибири и ссылке» называется «Тюремные песни». Оно содержит тексты песен, бытовавших в среде сибирских каторжан; варианты их классификации (старинные / новейшие, разбойничьи, солдатские, народные былины, романсы, юмористические); сведения о наиболее известных авторах (Ваньке Каине, забайкальском разбойнике Горкине и его «собрате по ремеслу» Кармелюке и др.) [Там же. С. 371–428]. Важным представляется вывод С. В. Максимова о «присвоении» и переработке тюремной лирикой авторских поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др., поддержанный исследователями.

С. В. Максимов не очень высоко оценивал качество новейших тюремных песен, услышанных им в Сибири, в сравнении «с настоящими и неподдельными произведениями самобытного народного творчества», к которым он относил песни древнейшего происхождения. Он подчеркивал близость своих воззрений по этому поводу со славянофилами, в частности с П. В. Киреевским, и искренне считал, что чем песня, в том числе тюремная, старше, тем она свежее и образнее. Трудно согласиться с тезисом автора о почти полном отсутствии в Сибири исконной тюремной песни, о бытовании на каторге «неполных и искаженных» песен из европейской части России.

Последнее утверждение С. В. Максимова вызвало горячие возражения Н. М. Ядринцева. «Несчастье имеет свою песню, точно

так же и острог создал свою поэзию, в которую вложил свое чувство, свою душу и тоску», – так начал главу в книге «Русская община в тюрьме и ссылке» об острожной песне, музыке и тюремном творчестве Н. М. Ядринцев [1872. С. 106]. Если очерк С. В. Максимова появился в результате знакомства с сибирской каторгой во время возвращения с Дальнего Востока в Санкт-Петербург и представлял собой версию определения места Сибири / каторги на ментальной карте империи «извне», со стороны столичного интеллектуала, то текст Н. М. Ядринцева был результатом осмысления феномена каторжной песни с позиций местного самосознания. Идеолог областничества был убежден в том, что острожные песни составляют самостоятельный цикл, который отличается от остальных песен о преступлении и наказании, созданных в народной среде. Причем отличается «настолько, насколько ощущения людей свободных при виде тюрьмы разнятся от ощущений и взгляда на нее людей, сидящих в ней» [Там же. С. 106]. По его мнению, арестантская песня по своему складу, тональности, рифме близка к новейшим мещанским и фабричным песням, и в ней в такой же степени отражаются жизнь народа, его судьба, горе и радости. Большую ценность представляют наблюдения о манере исполнения острожных песен, уважительная и заинтересованная интерпретация их содержания. Идея гуманизма в дискурсе о «преступлении и наказании», характерная вообще для XIX в. [Фуко, 1999. С. 106], побуждающая видеть в преступнике «человека», переплеталась у Н. М. Ядринцева с идеей регионального патриотизма. В ответ на упреки современников о том, что Сибирь почти не имеет своих песен и еще не обрела своего голоса, он доказывал, что острожные песни и есть один из «голосов» Сибири, которым она заявляет о себе, о своем горе, драматичной судьбе, прошлом и будущем. Они самобытны, порождены специфическими условиями жизни в условиях сибирской неволи, и, несмотря на определенную подражательность, вторичность, содержат оригинальные и замечательные образцы новейшей народной поэзии.

Замысел данной статьи обусловил особенную чувствительность к вопросу о месте рождения каторжных песен, ибо ответ на него дает возможность судить о том, какие

именно образы Сибири («извне или изнутри») транслировались в песнях. Этот вопрос представляется даже более принципиальным, чем время появления тех или иных песен. В связи с тем, что образы реальности инерционны, изменяются гораздо медленнее, чем те реалии, на которых они основаны, то для нас важнее факт бытования песни в тот или иной период, о чем свидетельствует ее письменная фиксация, чем время ее рождения. Н. М. Ядринцев впервые обращает внимание на репрезентации Сибири в тюремном песенном творчестве. Считая уголовную ссылку одним из главных препятствий полноценного развития региона и последовательно борясь за ее отмену, он акцентировал внимание, прежде всего, на негативных образах Сибири / тюрьмы / чужой земли в острожных песнях и не всегда строгом соответствии со степенью вины за преступление и тяжестью наказания каторгой.

Заложенная Н. М. Ядринцевым концепция признания ценности тюремной песни с точки зрения локальной культурной традиции нашла свое продолжение в работах ссыльных этнографов В. С. Арефьева [1899] и А. А. Макаренко [1907].

Как известно, в конце XIX – начале XX в. после литературных путешествий А. П. Чехова, В. М. Дорошевича литературная колонизация Сибири «прирастает» Сахалином. Дорошевич один из очерков посвятил песням каторги и остановился на процессе «усвоения» сибирских тюремных песен сахалинскими каторжанами. С точки зрения известного журналиста, сахалинская каторга, в отличие от «страшной сибирской каторги былых времен, мрачной и жестокой», не создала своих песен [1903]. Однако в ее репертуаре встречалось несколько песен сибирских каторжников и бродяг («Милосердные наши батюшки», «Вслед за буйными ветрами», «Посреди палат каменных»). Однако их исполняли чаще всего старые «еще сибирские» бродяги, попавшие на Сахалин, большинству же невольных обитателей острова, не идентифицировавшему себя с сибирской каторгой, были чужды темы и песни сибирской каторги, которые «бередили» «сахалинцев», «надрывали душу» и не соотносились с реалиями их повседневной жизни.

Как уже было упомянуто, в 1908 г. композитор В. Н. Гартевельд, швед по проис-

хождению, предпринял специальную экспедицию в Сибирь для изучения каторжных, бродяжьих и инородческих песен. Впервые исследователей каторжной песни заинтересовали не только их слова, но и музыка, о сильном эмоциональном воздействии которой писали все предшественники Гартевельда. Он проехал по Сибирской железной дороге от Челябинска до Хайлара (ныне город на территории Китая) и записал 57 песен, имевших хождение на сибирской каторге, с указанием ареала их бытования. Исходя из популярного афоризма о том, что «песня – душа народа», Гартевельд так объяснял значение песен каторжников для современников и, соответственно, смысл своей поездки: «Думаю, что эти песни еще лишний раз доказывают, что человеческая душа живуча и даже в негостеприимных тайгах и тундрах Сибири, в ужасных казематах каторги куда-то рвется и находит себе отражение хотя бы в этих песнях. Мне думается, что для нас, людей сытых довольных и свободных небесполезно знать эти песни – песни несчастных и отверженных» [Песни каторги, 2012. С. 13]. Гартевельд называл каторжан и бродяг единственными носителями музыкальной культуры в Сибири, утверждая, что сибиряки «совершенно не поют», а сибирская деревня в музыкальном смысле не богата ничем, кроме частушки. Не дискутируя с оценкой музыкальной культуры русского населения Сибири, замечу, что для меня основную ценность представляют тексты песен, собранные исследователем, а также его наблюдения о влиянии музыкального творчества аборигенного населения и польских ссыльных на мелодии и тональность песен каторжан.

Итак, тексты песен, собранные во второй половине XIX – начале XX в. русскими интеллектуалами, по разным причинам оказавшимися в Сибири (каторжанином Ф. М. Достоевским, уроженцем Сибири и областником Н. М. Ядринцевым, командированным морским ведомством писателем С. В. Максимовым, ссыльными народниками А. А. Макаренко и В. С. Арефьевым, столичным журналистом В. М. Дорошевичем, композитором В. Н. Гартевельдом), составили источниковую базу статьи, равно как и их наблюдения, касающиеся авторского корпуса и видовых разновидностей песен, манеры, времени и места их исполнения. Многократные цитирования названных

текстов песен и комментариев к ним как их современниками, так и исследователями-потомками, позволяют говорить о них как об источнике формирования коллективных представлений о Сибири в историческом сознании и культурной памяти россиян.

В первые послереволюционные десятилетия песни каторги привлекали внимание исследователей сибирского фольклора как одна из его разновидностей и, наряду с этим, подвергались анализу как источник изучения освободительной борьбы с царизмом. Показательна и типична в этом смысле фраза из книги «Старый фольклор Прибайкалья», проясняющая целый спектр исследовательских высказываний на эту тему: «Бродяжки и тюремные песни раскрывают нам различные стороны из жизни людей, которые в силу социально-бытовых условий старой России, самодержавного строя, шли в Сибирь на вечную каторгу, на поселение. Здесь и тоска по утраченной свободе, и оплакиваемая смерть на чужбине вдали от родных, в стенах зловещего тюремного замка» [Гуревич, Элиасов, 1939. С. VIII–IX]. Данная установка диктовала и критерий отбора публикуемых текстов – в поле зрения авторов попадали в основном те, в которых содержался протест против существующего социального порядка.

В 1966 г. появилось диссертационное исследование В. Г. Шоминой, непосредственно посвященное поэзии тюрьмы, каторги и ссылки и базирующееся на материалах народной (в том числе и тюремной) песни второй половины XIX – начала XX в. Сообразно нормам и традициям научного дискурса своей эпохи, автор поставила перед собой две задачи: 1) показать идейную ценность и своеобразие художественных приемов свободолоубивой тюремной песни и революционных стихотворений ссыльных; определить, что общего имеют тюремные песни с солдатскими песнями и рекрутскими плачами и что общего имеет поэзия ссыльных с классической русской поэзией; 2) выяснить взаимосвязь двух видов тюремного творчества – фольклорного и литературного [1966. С. 2]. Если не принимать во внимание вполне объяснимую идеологизированность исследования, стремление автора осмыслить образы героев песен через призму внутреннего протеста, можно отметить, что многие выводы и наблюдения фи-

лолога не потеряли своей ценности. Для меня отправным стал вывод о песенном репертуаре каторги, в состав которого вошли три группы песен: народные тюремные (о молодце в неволе и уголовно-бродяжки), песни о тюрьме, тяготевшие к литературным формам, песни, не имеющие по содержанию прямого отношения к тюрьме, т. е. народно-бытовые, любовные и романсы. Исходя из этого, под *каторжными песнями* я понимаю все песни, вне зависимости от их происхождения и жанровой принадлежности, бытовавшие в сибирских острогах и зафиксированные там исследователями как песни каторги. Именно в этом статусе они стали известны русской образованной публике и массовому слушателю второй половины XIX – начала XX в. и конструировали представление о регионе в общественном мнении, массовом сознании, а затем и в коллективной памяти россиян. Я также опиралась на наблюдение В. Г. Шоминой о сюжетных ситуациях, служивших повествовательной основой каторжных песен: 1) ссылка в Сибирь; 2) причины ссылки; 3) отношение ссыльного к Сибири; 4) этапные переходы; 5) каторжный труд; 6) побег; 7) казнь (наказание); 8) бродяжничество. Это позволило сконцентрировать внимание на вопросе о том, как менялись репрезентации сибирского топоса в зависимости от сюжета.

Новый виток интереса к каторжной песне пришелся на конец XX – начало XXI в. и был порожден, с одной стороны, стремлением историков к освоению новых исторических источников, антропологическим и лингвистическим поворотами гуманитарного знания, а с другой – резко возросшей популярностью русского шансона, к которому некоторые исследователи относят и тюремное песенное творчество [Башарин, 2005]. Именно в это время к источниковому потенциалу каторжной песни впервые обращаются историки. М. и Л. Джекобсоны в 2006 г. опубликовали собрание фольклорных песен о преступлениях и наказаниях, сочиненных и исполнявшихся в России до 1917 г. [2006]. Признавая спорными многие интерпретации песен сибирских каторжан, я использовала собрание их текстов, а также сведения справочного характера об авторстве, времени происхождения и месте записи песен.

Итак, подводя итог изученности темы, можно утверждать, что на сегодняшний

день опубликованы тексты песен, собранные их первыми исследователями и фольклористами советского периода, сохранились отдельные аудиозаписи этих песен в исполнении Ф. Шаляпина, Н. В. Плевицкой и др. Кроме того, сделаны выводы о репертуаре каторжных песен, их основных сюжетных линиях, об их генетической близости к разбойничьим, рекрутским, «мещанским» романсам и балладам, о взаимопроникновении уголовных и политических песен изучаемой эпохи. Однако большинство исследователей обращаются только к текстам песен, практически игнорируя их мелодии, что объясняется отсутствием представлений о методах работы историков с песней как целостным феноменом культуры. К сожалению, настоящая работа в этом смысле не исключение.

Как уже было упомянуто, в качестве источников мною были востребованы собрания песен С. В. Максимова, Н. М. Ядринцева, В. Н. Гартевельда, А. В. Гуревича, Л. Е. Элиасова, Л. и М. Джекобсонов. Критерием их отбора было упоминание топонимов, этнонимов и персоналий, имеющих отношение к Сибири, а также наличие слов-маркеров, соотносящихся с реалиями сибирской жизни.

Можно предположить, что образ Сибири в песнях каторжан зависел от функций, которые выполняли песни такого рода: 1) социализирующей; 2) коммуникативной, обеспечивающей общение не только внутри сообщества каторжан, но и с окружающим миром; 3) интегративной; 4) компенсаторной (утешительной); 5) эстетической.

Социализирующая функция, с одной стороны, способствовала осознанию причин и сущности нового этапа в биографии осужденного на каторгу, с другой – способствовала адаптации к новым условиям жизни в Сибири, приобщению к нормам и ценностям каторжной субкультуры.

В песнях каторжан изучаемой эпохи Сибирь имеет статус места отбывания наказания за реальные или мнимые преступления, логичного этапа биографии преступника или страшного финала жизни невинно осужденного. Так, в широко распространенной и зафиксированной в нескольких вариантах в песенниках начала XX в. песне «Говорила сыну мать», использующей известный песенному фольклору мотив обращения матери к сыну с наставлениями, читаем:

Говорила сыну мать:
«Не водись с ворами,
А то в каторгу пойдешь,
Скован кандалами.

Поведет тебя конвой,
Ты заплачешь горько,
Будешь каяться по всем,
Не воротишь только.

И дадут тебе халат
С желтыми тузами,
Обольешься тогда, сын,
Горькими слезами.
Поведут тебя по всей
Матушке-Расsee,
Сбреют волосы тебе
Вплоть до самой шеи».

Был в деревне мироед,
С нами он не знался:
И над голым бедняком
За всегда смеялся.

Собралися мы на сход
Промеж нас читаем,
А купчина-мироед
Проходил случаем.

Он уряднику донес,
Что мы взбунтовались;
Нас отправили в тюрьму,
Чтоб не собирались.

А как вышел из тюрьмы,
Так побил купчину.
В суд обжаловал меня,
И послал в чужбину
[Джекобсон М., Джекобсон Л., 2006.
С. 389–390].

Если в приведенном варианте песни, записанном в 1916 г., Сибирь номинируется как место наказания за борьбу против социальной несправедливости, то в варианте, записанном на тобольской каторге Гартевельдом, отсутствуют всякие политические коннотации [Песни каторги, 2012. С. 26]. Как уже замечено М. Л. Лурье, все ограничивается изложением заветов матери, рисующей сыну перспективу его биографии, которая заканчивается убийством конвоира и бродяжничеством [2010. С. 17]. В данном случае важно, что Сибирь в народном сознании выступала как место наказания за

серьезные преступления против личности, собственности или государства, что, естественно, поддерживалось и господствующей идеологией, разрешающей тиражировать каторжные песни путем публикации. Представляется уместным экстраполировать на такого рода тексты наблюдение М. Фуко, сделанное в отношении литературы преступлений. Он, в частности, замечал, что в ней «не нужно усматривать ни чисто “народное самовыражение”, ни согласованную программу пропаганды и морализации, навязанную сверху. Подобная литература – своего рода поле боя между преступлением, наказанием за преступление и памятью о нем. Если этим рассказам, этим правдоподобным повествованиям о повседневной жизни позволено печататься и распространяться, значит, от них ожидают эффекта идеологического контроля» [1999. С. 110].

Приведем в качестве примера устойчивой ассоциативной формулы Сибирь / наказание за преступления и грехи фрагмент еще одной песни в форме автобиографического повествования, записанной в Тобольской губернии в 1896 г.:

Две пары портянок и пара котов,
Кандалы на ноги – и в Сибирь готов,
Серая свита, бубновый туз,
Голова обрита и старый картуз.
В Сибирь отправляюсь, ее я заслужил,
Отца-мать родную слезой наделил.
Вышел за ворота – мать моя стоит,
Слезы проливает: «Прощай!» говорит
[Шомина, 1966. С. 42].

Песни содержат многочисленные упоминания и о том, за какие именно преступления Сибирь является наказанием. Сошлюсь на распространенную и опубликованную в нескольких вариантах песню «Далеко, в стране Иркутской», в основу которой, по мнению Л. и М. Джекобсонов, легло стихотворение, написанное неизвестным узником Александровского централа в конце XIX в.:

Есть за кражу, за убийство,
За подделку векселей,
А всего здесь, барин, больше
Политических людей
[2006. С. 392].

Данная песня возникла во время резкого увеличения количества политкаторжан и по-

литических ссыльных, о чем свидетельствует последняя строчка цитируемого фрагмента. Однако в большинстве проанализированных нами песен доминируют причины, связанные с уголовными преступлениями. Частым является упоминание об убийствах, вызванных ревностью. Так, в жестоком романсе «Бывали дни веселые», в основу которого легло стихотворение П. Г. Горохова «Изменница» (1901) [Современная баллада..., 1996. С. 388], после рассказа героя романса о том, как он убил неверную возлюбленную и ее мужа – купца «черта старого», следуют строки:

И дело совершилось –
Теперь я стал злодей.
Теперь в Сибирь на каторгу
Отправят молодца
За девку черноокою,
За черта, за купца
[Фольклор семейских, 1963. С. 270].

Типичным для каторжных песен было отрицание вины главного героя (и одновременно повествователя) в преступлении, и ссылка в Сибирь рассматривалась как величайшая несправедливость, допускающая месть как следствие. Так, в популярной тюремной песне с элементами поэтики причитаний, помещенной В. Н. Гартвельдом в своем сборнике под названием «Посреди палат каменных», а у В. Г. Шоминой «Ты воспой, воспой, жавороночек», встречаем:

Я ведь не был вор, не был вор!
Да убивец не был никогда!
Но послали меня, добра молодца,
Проведать каторги, распроклятой
долюшки.

Позабыли меня, словно сгинул я...
Но ведь будет пора, и вернуся я
За беды и зло я вам отплачу,
Будет время! Я вернуся!
[Песни каторги, 2012. С. 15].

«Злые люди» фигурируют как причина, по которой герой попал в «безжалостную страну» (замечу, что номинация Сибири как отдельной / другой / чужой страны, не только отличной, но и «отдельной» от России, в том числе и зрительно отделенной от нее «Уральским камнем», была распространена в художественной литературе и публицистике XIX в. вплоть до 1880-х гг.), встреча-

ются и в песне, записанной С. В. Максимовым:

Ох! Я в безжалостной стране!
 Гонимый варварской судьбой,
 Я злосчастье испытал.
 Прошел мытарства все земные
 На длинной цепи в кандалах.
 Тому причиной люди злые.
 Судья, судья им – небеса.
 Знаком с ужасной я тюрьмой,
 Где много лет я пострадал.
 Но вот уж, вот уж – слава Богу! –
 Вздохнув, я сам себе сказал:
 Окончил тяжкие дороги
 И в Сибирь я жить попал,
 Где часто, как ребенок, плачу:
 Свободы райской я лишен.
 Ах! Я в безжалостной стране.
 В стране, где коварство рыщет,
 Где нет пощады никому,
 Где пламенная язва пышет,
 Подобно аду самому.
 Лишь утрення заря восходит,
 Словно в аде закипит...
 [1871. С. 121].

Если Сибирь описывалась как *ад*, то пространство к западу от Уральского Камня воспринималось как *потерянный рай*, а ссылка как *изгнание из рая*. Вспомним песню «Там за синими морями», записанную Гартевельдом в Новониколаевске:

Там в Расееи всем живется
 И вольготно и тепло,
 О безлюдье нет помину,
 За селом стоит село!
 Хлеб родится всем там вволю,
 Солнце светит круглый год.
 Но туда нам не добраться,
 Там для нас местечка нет!
 [Песни каторги, 2012. С. 74].

В приведенном фрагменте Сибирь исключается из пространства *Расееи* и, несмотря на то, что в тексте нет прямых упоминаний о Сибири, она описывается при помощи бинарных оппозиций: если в России *тепло, многолюдно*, то из контекста очевидно, что в Сибири *холодно и безлюдно*, если в России земля *плодородна и солнце светит круглый год*, то Сибирь – тюрьма, соответственно, *голодная, тесная, мрачная*.

В песнях эстетизируются и гиперболизируются физические и душевные страдания узников *Сибири – тюрьмы*, она описывается не только как «далекая, чужая страна», с «чужими нравами и народом», но и место, где с «глухой тайгой», вечной зимой, где «Света Божья не видать», «нет ни солнца, ни зари», «чужедальная сторонущка, Сибирь-то некрещеная» [Там же. 2012. С. 34, 35, 52, 68, 75, 81]. В этом можно увидеть проявления не только социализирующей, воспитательной функции песни, но и компенсаторной, вызывающей жалость к своей тяжелой доле, как у самих носителей песенной традиции, так и у их слушателей. Однако при этом важно, что в каторжных песнях присутствует как мотив «злого рока» и фатальной предопределенности Сибири для биографий ее вынужденных обитателей, так и идея свободного выбора того жизненного сценария, который привел на каторгу.

Мысль о биографической неизбежности Сибири встречаем в известной тюремной песне «Зачем я, мальчик, уродился», записанной В. Н. Гартевельдом в Тобольске:

Зачем я, мальчик, уродился,
 Зачем тебя я полюбил,
 Ведь мне назначено судьбою
 Идти в Сибирские края!
 В Сибирь жестокою далеко
 Судом я в ссылку осужден,
 Где монумент за покоренье
 В честь Ермака сооружен
 [Там же. 2012. С. 22].

Н. М. Ядринцев приводит следующую песню, где также акцентирована фатальность Сибири для обитателей каторги:

Меж гор енисейских
 Раздается томный глас;
 Тут сидел бедный мальчишка
 С превеликою тоской.
 Белы ручки свои ломал.
 Проклинал свою судьбу.
 Ты судьба моя несчастна,
 За что разишь меня?
 Все люди на воле,
 Забавляются с друзьями,
 А я, бедный мальчишка,
 Заливаюсь горьким слезам
 [1872. С. 115–116].

Утешительная функция такого рода песен проявляется, во-первых, в том, что каторжных страданий невозможно было избежать, раз они были предопределены *самой Судьбой, злосчастной долей*, а во-вторых, в представлении о том, что никто из «вольных» слушателей песен сам не застрахован от таких поворотов судьбы и, следовательно, не должен осуждать заключенных.

М. Л. Лурье, анализируя политические песни изучаемой эпохи, в том числе и те, что имели распространение на сибирской каторге, обратил внимание на устойчивую номинацию Сибири как обязательный элемент биографии профессионального революционера. Не случайно для поэтики характерны такие топосы, как арест, тюрьма, каторга, рудники, кандалы, ссылка, шествие по этапу [2010. С. 4]. Эти топосы, вообще характерные для тюремной песни, были присущи не только песенному творчеству политических ссыльных, но и имели широкое распространение в песнях уголовной каторги. В песне «Ах, ты доля», записанной Гартевельдом на Тобольской каторге, встречаем такие строки:

Ах, ты доля, моя доля,
Доля-долюшка моя,
Ах, зачем же злая доля,
До Сибири довела?
Не за пьянство и буянство
И не за ночной разбой
Стороны родной лишился, –
За крестьянский мир честной!
<...>
Очутился я в Сибири,
В шахте тесной и сырой,
Здесь я встретился с друзьями.
Здравствуй, друг, и я с тобой!
[Песни каторги, 2012. С. 14].

Можно предположить, что согласно представлениям носителей традиционного (по сути коллективистского) сознания, которое, безусловно, подвергалось трансформации под влиянием модернизационных изменений, но было еще сильно, более предпочтительным для героя (исполнителей, слушателей) песни было пострадать за «мирское дело», «крестьянский мир честной», чем за уголовные преступления. И Сибирь, таким образом, становилась не только прибежищем борцов с режимом, но и всех, «наказанных» за борьбу со страдания-

ми народа, местом встречи в неволе борцов за волю.

Итак, каторжные песни репрезентируют Сибирь, подобно художественной литературе первой половины XIX столетия, как ад, как место символической смерти, «чистилице», место инициационных каторжных испытаний, пройдя через которые человек или погибает физически, или приобретает новый духовный статус [Лотман, 1997; Тюпа, 2002].

Социальная и компенсаторные функции каторжной песни, таким образом, тесно связаны с катартической (производной от понятия «катарсис»). Не случайно, что мотив *возвращения* присутствует во многих песнях, а невозможность возвращения воспринимается как крайнее проявление безысходности. В широко распространенной песне «С Иркутска ворочуся» встречаем, к примеру:

С Иркутска ворочуся
Счастливым, может быть,
Быть может, наживуся –
Счастливо будем жить.

<...>

Еще один годочек
В тюрьме побуду я,
А там, мой мил-цветочек,
Явлюся я любя.

С густыми волосами,
С ногами без браслет
Явлюся я меж вами
С иголки одет
[Там же. 2012. С. 18].

Идея *возвращения* путем *бегства из неволи на волю* широко распространена как в каторжных, так бродяжьих песнях.

Типичны в этом смысле следующие строки песни «Как из острова»:

Как из Острова из проклятого
Я убог, утек через море бурливое...
Да нет силушки, да нет моченьки,
Было мне остаться и сгинуть так,
пропадать.

Нет там солнышка, нет там звездочек...
А кровавым светом на небе сияние
горит...

И не слышится песня пташечки,
Только ветер воет, и море ревмя ревет!

<...>

И не сяду я
За решетку вновь,
Я свободу людям
Своей ценой продам!
[Там же. 2012. С. 69]

В песнях упоминается широкий спектр причин возвращения: тоска по родине, семье, любимым, по воле, а порой и стремление к новой, более справедливой жизни.

Дети мы одной отчизны
Дальней, прекрасной!
Сквозь вьюги зимние
Все нам мерещится
Край родной...

Наши предки за отчизну
Долго страдали.
И не изгладится
Память о них у нас...

Но мы верим, уповаем,
Будет иное:
Воспрянет родина,
Будет счастливая,
Будет иное...
[Там же. 2012. С. 78].

В отдельных песнях в качестве основного мотива возвращения на родину называется месть как средство достижения справедливости. Ф. М. Достоевский приводит такие строки:

Но исполню я отместку
И назад я ворочусь;
Я, как ворон, прокрадуся
И злодею отомщу
[1982. С. 143].

Далеко не во всех песнях Европейская Россия описывалась в модусе ностальгии. Потребность в «новой» идентификации, связанная с обретением статуса каторжника, и необходимость интеграции в сообщество себе подобных вызвала к жизни репрезентации Сибири как нового дома, взамен отторгнувшей Европейской России. В песне «Сказывают люди» Сибирь наделяется, по сути, теми же характеристиками, что *Рассея* в уже процитированной песне «Там за синими морями», только оптика отверженных старой и желающих приобрести новую ро-

дину, переформатировала социокультурный миф о *Сибири – тюрьме*, превращая его в миф о *стране свободы*. Упоминание термина «страна» в данном случае не случайно, в официальном и журнальном дискурсах оно доминировало применительно к статусу региона вплоть до начала 1880-х гг., а в каторжных песнях, в письмах и прошениях переселенцев сохранялось и в начале XX в.

Люди там грызутся, да и суетются
И передерутся все из-за рубля.
Нет у них пельменя, да и нет оленя;
Там житье плохое, хуже, чем у нас.
То ли дело здесь, в Сибири: ширь здесь
и простор.
Тундра необъятная, куда не кинешь взор!
Так я остаюсь здесь в краю мороза,
Здесь в краю мороза, в Сибири родной
[Песни каторги, 2012. С. 77].

Коммуникативная и интегративная функции каторжной песни реализовывались в многочисленных песнях о Ермаке и были связаны с самоидентификацией каторжников как *детей благородного разбойника – покорителя Сибири*. В песне беглых бродяг «Лес шумит», бытовавшей на сибирской каторге, встречаем следующие строки:

Лес шумит, гудит и волнуется,
Старые кедровые все в буре валятся.
Любо нам под шумом бури
В темном лесу ходить.
Чу, проснется Мишка бурый,
Встрепенется, зарычит.
Выходи, лохматый друг!
Любо нам, детям Ермака,
Когда зверь на нас бежит,
Среди бури, среди мрака
Нам медведя уложить
[Там же. С. 79].

Потребность каторжной субкультуры в поиске своих корней (символических предшественников), героев и злодеев, воплощалась, прежде всего, в песне и тюремной поэзии. Сам факт бытования в каторжной среде изучаемой эпохи казачьих песен, приписываемых С. Разину, ярким представителям криминального мира предшествующих эпох, к примеру, Ваньке-Каину, свидетельствует о ценностных приоритетах сообщества каторжан, о культивируемых поведенческих образцах. Наряду с *героями* –

предшественниками, на каторге пользовались популярностью песни о тех каторжниках, которые смогли *сбежать* из Сибири. С. В. Максимов упоминает о разбойнике Гусеве, бежавшем из Сибири и ограбившем в Саратове собор, «благородном» преступнике Кармелюке, «шалившем» на Волыни [1871. С. 153–154], Н. М. Ядринцев – о бродяге Травине [1872. С. 14]. В перечне *злодеев* каторги фигурировали представители тюремной администрации.

Нашим зрителям и надзирателям
Вечно худая слава!
Вечно худая, вечная худая,
Вечно худая слава!
[Джекобсон М., Джекобсон Л., 2006.
С. 417].

Наиболее одиозные представители тюремного начальства становились персонажами песен, как, например, печально известный начальник Карийских золотых приисков Иван Разгильдяев, виновный в смерти 1 000 каторжан [Там же. С. 407].

Сибирь в песнях, конструировавших общество каторжан и обеспечивающих его самовоспроизводство, с одной стороны, представлялась пространством *горя и неволи*, с другой же – была *местом встречи представителей этого сообщества*, его пространственным кодом с соответствующей идентификационной символикой. Сошлюсь в качестве примера на песню «Прощай, Киев, до свиданья», записанную в Тобольске в 1908 г.:

Прощай, Киев, до свиданья,
Прощай, Киевска тюрьма!
Скоро, скоро глаз увидит
Все сибирские края.
Скоро, скоро с пересылкой
Проведет тебя конвой,
На ноги дадут браслеты,
Сбреют волос твой густой.
За Сибирью солнце всходит,
А в Сибири – никогда,
И в Сибири – те же люди,
Все старинные друзья!
[Песни каторги, 2012. С. 35].

Подробные описания процедуры этапирования в Сибирь, мест заключения, одежды каторжников, режима дня, досуга облегчали приобщение к жизни на каторге и информи-

ровали слушателей песен, не имевших отношения к *наказанной России*, о сибирской каторге, образе жизни каторжан и формировали представления о регионе. Эти представления были дуальны по своей природе. С одной стороны, Сибирь выступала в них как пространство неволи, соотносилась с тюрьмой, страной холода, мрака, наказанием за грехи реальные или мнимые, прибежищем *отверженных Рассей*, с другой же – воплощала идею *безграничной воли*, в отличие от несвободной *Рассеи*, рассматривалась как место встречи *протестующих* против существовавшего социального порядка. Последнее особенно очевидно из песен каторжников:

Вся страна кругом – моя!
Горы, тундры и тайга!
В страхе все живут:
От меня бегут
Или дань несут
Я приму и пойду!
Я бродягой уродился
И бродягой я умру.
Я в Рассеи не ужился –
Волей пуще всего дорожу
[Там же].

Такие представления бытовали не только в крестьянской и мещанской среде, но благодаря интеллигенции, видевшей в каторжной песне проявления социального протеста, изучавшей и пропагандировавшей ее при помощи печати, концертов и пр., они были известны *образованной России*, эстетизировавшей в конце XIX – начале XX в. сибирскую каторгу.

Список литературы и источников

Анисимов К. В. От редактора // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. С. 3–7.

Анисимов К. В., Разувалова А. И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs «деревенщики» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2014. № 1 (27). С. 75–101.

Арефьев В. С. К вопросу о сибирской народной песне // Сибирский сборник. 1899. Вып. 1. С. 34–40.

- Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 277–310.
- Башарин А. С. Блатная песня: terra incognita // Массовая культура на рубеже веков. М.; СПб., 2005. С. 176–192.
- Громыко М. М. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского как источник по истории сибирской каторги 50-х гг. XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1975. С. 131–152.
- Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ: Бургиз, 1939. 472 с.
- Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 г.). М.: Соврем. гуманитар. ун-т, 2006. 561 с.
- Дорошевич В. М. Сахалин (Каторга). СПб., 1903. URL: http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_0030.shtml (дата обращения 01.05.2014).
- Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 3. С. 5–304.
- Кодан С. В. Сибирская ссылка в оценке декабристов // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии, философии, 1981. Вып. 1. С. 62–64.
- Кузнецова Е. А. Взгляд Н. Н. Муравьева-Амурского на проблемы сибирской ссылки // Ссылочные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. Вып. 12. С. 69–80.
- Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 712–729.
- Лурье М. Л. Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. С. 1–20.
- Макаренко А. А. Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. 1. С. 1–20; Вып. 2. С. 55–68; Вып. 3. С. 88–95; Вып. 4. С. 25–44.
- Максимов С. В. Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб.: Тип. Траншеля, 1871. 459 с.
- Малютина А. И. Сибирская тема в публицистике журнала «Русское богатство» // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 34–54.
- Марголис А. Д. Тюрма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М.: Лантерна; Вита, 1995. 207 с.
- Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. № 1. Т. 2. С. 39–52.
- Песни каторги. Сборник В. Н. Гартевельда с приложением очерков о каторжных и тюремных песнях и поэзии С. В. Максимова, Н. М. Ядринцева, В. М. Дорошевича. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2012. 197 с.
- Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.
- Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. 253 с.
- Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006. 343 с.
- Сафронов А. В. Виноватые, отверженные, несчастные. Проблемы преступления и наказания в русской художественной документалистике конца XIX – начала XX в. Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2001. 123 с.
- Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 413 с.
- Соловьева М. Р. Крестьянская община в Сибири: испытание ссылкой и каторгой (по материалам устной народной прозы). Иркутск, 2006. 101 с.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Ульянникова Ю. Авантюрист, чиновник, подвижник: к вопросу о формировании регионального самосознания на Сахалине // Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 397–412.
- Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; под ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 672 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под

ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Хламова А. М. Уголовная ссылка в Сибирь в материалах официального делопроизводства высшей сибирской администрации во второй половине XIX в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 246–250.

Шахеров В. П. Сибирская ссылка и каторга как социально-культурный феномен // Образы Сибири. Концептуализация русско-

го Северо-Востока в культурологии: Науч. докл. Иркутск, 2005. С. 94–107.

Шомина В. Г. Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки (Народные песни и стихи второй половины XIX – начала XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1966. 14 с.

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 719 с.

Материал поступил в редколлегию 04.09.2014

N. N. Rodigina

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

*Tobolsk Integrated Scientific Station of UrB RAS
15 Acad. Yu. Osipov Str., Tobolsk, 626152, Russian Federation*

natrodigina@list.ru

THE REPRESENTATIONS OF SIBERIA IN THE SONGS OF CONVICTS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

This article dwells upon the revealing of Siberian images in the songs of hard laborers at the end of 19th and the beginning of 20th century. Its basis are the lyrics which the Russian people of keen intellect collected in the second half of 19th and the early 20th century (the convict F. M. Dostoevsky, oblastnik N. M. Yadrintsev, the writer S.V. Maksimov, the reporter V. M. Doroshevich and the composer V. N. Garteveld). I suppose that the image of Siberia in the songs of hard laborers depended on functions which these very songs fulfilled: 1) the social one promoting the adaptation to new life, inclusion in standards and values of convicts' subculture; 2) communicative; 3) integrative, and so on. According to the songs Siberia was the place where people served sentence for true or colorable crimes. Also it had the role of logical stage of a culprit's biography or a terrible life end of a person wrongfully convicted. In people's mind, Siberia was the place of punishment for grave crimes against person, property or state. More over, the ruling ideology backed it up and allowed to copy such songs by means of publishing. The distinguishing feature of convicts' songs was the fact that the central character denied his implication in a crime, and exile to Siberia was considered to be absolute injustice admitting revenge as a consequence. While Siberia was described as the hell, the space to the west of Uralsky Stone was perceived as the lost paradise, but exile was banishment from the paradise. The songs exaggerate physical and soul suffering of inmates in Siberia-prison; it's depicted not only as «far and alien country» with «strange nature and people», but as the place with «remote taiga», eternal winter where there is «neither sun nor dawn». Apart from social and educational function of songs we can see compensative one evoking pity for a person's arduous life. But not all songs described the European Russia in terms of nostalgia. The need for «new» identification pertaining to acquiring the status of a hard laborer and the necessity of integration with the community of alike people led to perceiving Siberia as a new home instead of the rejected European Russia. The communicative and integrative functions of convicts' songs can be traced in a great number of songs about Yermak and were connected with self-identification of hard laborers as children of high-minded robber – the conqueror of Siberia. The convicts' subculture necessity of finding own roots, heroes and evildoers was embodied exactly in songs. On the one hand songs showed

Siberia as the place of grief and captivity, on the other hand it was the place where representatives of this community met. Also it was its spatial code with relevant identification symbolism.

Keywords: songs of the second half of the 19th – early 20th centuries, hard labor, representations of Siberia.

References

Anisimov K. V. Ot redaktora. *Sibirskii tekst v natsionalnom syuzhetnom prostranstve*. Krasnoyarsk, 2010, p. 3–7. (in Russ.)

Anisimov K. V., Rasuvalova A. I. Dva veka – dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs «derevenshchiki». *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philology*, 2014, no. 1 (27), p. 75–101. (in Russ.)

Arefev V. S. K voprosu o sibirskoy narodnoj pesne. *Sibirskij sbornik*, 1899, iss. 1, p. 34–40. (in Russ.)

Basharin A. S. Blatnaya pesnya: terra incognita. *Massovaya kultura na rubezhe vekov*. Moscow, St.-Petersburg, 2005, p. 176–192. (in Russ.)

Bassin M. Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya*. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller. Moscow, 2005, p. 277–310. (in Russ.)

Doroshevich V. M. *Sakhalin (Katorga)*. St.-Petersburg, 1903. URL: http://az.lib.ru/d/doroshevich_w_m/text_0030.shtml (in Russ.)

Dostoevskii F. M. Zapiski iz Myortvogo doma. *Sobranie sochineniy*. Moscow, Pravda, 1982, vol. 3, p. 5–304. (in Russ.)

Dzhekobson M., Dzhekobson L. *Prestupleniye i nakazaniye v russkom pesennom folklore (do 1917 g.)*. Moscow, 2006. 561 p. (in Russ.)

Folklor semeiskih. L. E. Aliasov, I. Z. Yarnevskii. L. E. Aliasov (ed.). Ulan-Ude, 1963, 672 p. (in Russ.)

Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdeniye tyurmy*. V. Naumova (transl.), I. Borisova (ed.). Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russ.)

Gromyko M. M. «Zapiski iz Myortvogo doma» F. M. Dostoevskogo kak istochnik po istorii sibirskoi katorgi 50-h gg. XIX v. *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachale XX v.)*. Novosibirsk: Nauka, 1975, p. 131–152. (in Russ.)

Gurevich A. V., Aliasov L. E. *Staryi folklore Pribaikalya*. Ulan-Ude, Burgiz, 1939, 472 p.

Khlamova A. M. Ugolovnaya ssylka v Sibir' v materialakh ofitsial'nogo deloproizvodstva vysshej sibirskoj administratsii vo vtoroj polovine XIX v. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2010, vol. 9, iss. 1: History, p. 246–250. (in Russ.)

Kodan S. V. Sibirskaya ssylka v otsenke dekabristov. *Sibir' v proshlom, nastoyaschem i buduschem*. Novosibirsk, 1981, iss. 1, p. 62–64. (in Russ.)

Kuznetsova E. A. Vzglyad N. N. Muravyova-Amurskogo na problemy sibirskoi ssylki. *Ssylnyye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral 1917 g.)*. Irkutsk, 1991, iss. 12, p. 69–80. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Syuzhetnoye prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya. *Lotman Yu. M. O russkoi literature*. St.-Petersburg, Iskusstvo-SPb., 1997, p. 712–729. (in Russ.)

Lurye M. L. Politicheskiye i tyuremnyye pesni v nachale XX v.: mezhdru propagandoi i folklorom. *Antropologicheskii forum*, 2010, no. 12 Online, p. 1–20. (in Russ.)

Makarenko A. A. Sibirskie pesennyye stariny. *Zhivaya starina*, 1907, iss. 1, p. 1–20; iss. 2, p. 55–68; iss. 3, p. 88–95; iss. 4, p. 25–44. (in Russ.)

Maksimov S. V. *Sibir i katorga*. St.-Petersburg, Tipogr. Transhelya, 1871, 459 p. (in Russ.)

Malyutina A. I. Sibirskaya tema v publitsistike zhurnala «Russkoye bogatstvo». *Sibirskiy stranitsi zhizni i tvorchestva V. G. Korolenko*. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 34–54. (in Russ.)

Margolis A. D. *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoy Rossii: Issledovaniya i arkhivnyye nakhodki*. Moscow, Lanterna; Vita, 1995, 207 p. (in Russ.)

Panarina D. S. Mify i obrazy sibirskogo frontira. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, 2013, vol. 1, no. 2, p. 39–52. (in Russ.)

Pesni katorgi. Sbornik V. N. Gartevelda s prilozheniyem ocherkov o katorzhnyh i tyuremnyh pesnyah i poezii S. V. Maksimova, Yadrintseva, V. M. Doroshevicha. Salamandra P.V.V., 2012, 197 p. (in Russ.)

Remnev A. V. *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov*. Omsk, 2004, 552 p. (in Russ.)

Remnev A. V. *Samoderzhaviye i Sibir. Administrativnaya politika vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv*. Omsk, 1997, 253 p. (in Russ.)

Rodigina N. N. «*Drugaya Rossiya*»: obraz Sibiri v russkoi zhurnalnoi presse vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. Novosibirsk, 2006, 343 p. (in Russ.)

Safronov A. V. *Vinovatye, otverzhennye, neschastnye. Problemy prestupleniya i nakazaniya v russkoi khudozhestvennoj dokumentalistike kontsa XIX – nachala XX v*. Ryazan', 2001, 123 p.

Shakherov V. P. Sibirskaya ssylka i katorga kak sotsial'no-kul'turnyj fenomen. *Obrazy Sibiri. Kontseptualizatsiya russkogo Severo-Vostoka v kul'turologii*. Irkutsk, 2005, p. 94–107. (in Russ.)

Shomina V. G. *Poeziya tyurmy, katorgi i ssylki (Narodnye pesni i stihi vtoroi poloviny XIX – nachala XX v)*. Moscow, 1966, 14 p.

Solov'eva M. R. *Krest'yanskaya obschina v Sibiri: ispytanie ssylkoj i katorgoj (po materialam ustnoj narodnoj prozy)*. Irkutsk, 2006, 101 p. (in Russ.)

Sovremennaya ballada i zhestokii romans. P. Adonyeva, N. Gerasimova. St.-Petersburg, Ivan Limbakh, 1996, 413 p. (in Russ.)

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2002, no. 1, p. 27–35. (in Russ.)

Ul'yannikova Yu. Avantyryst, chinovnik, podvizhnik: k voprosu o formirovanii regional'nogo samosoznaniya na Sakhaline. *Ab Imperio*, 2000, no. 3–4, p. 397–412. (in Russ.)

Yadrintsev N. M. *Russkaya obshchina v tyurme i ssylke*. St.-Petersburg, A. Morigerovskiy, 1872, 719 p. (in Russ.)